Лит. Россия, 1966, 11 ноября, №46

ПОКЛОН ВАМ, Прасковья Дмитриевна!

ЕСЛИ сказать, что на спектакле театра Сатиры в зале много смеялись, — это никого не удивит. Но если рассказать, как в прозрачную тишину большого, заполненного людьми зала падают горячие, трепетные слова монолога и никто не шелохнется, внимая им, а если и шелохнется, то лишь затем, чтобы смахнуть украдкой непрошеную слезу, и что все это в театре Сатиры, — могут не поверить. А между тем именно так и происходит на спектакле Московского театра Сатиры «Старая дева». И «повинны» в этом драматург Исидор Шток и исполнительница главной, точнее — заглавной роли в его пьесе Татьяна Пельтцер.

Впрочем, никакого противоречия тут нет: «Старая дева» — комедия, а Т. Пельтцер — выдающаяся комедийная актриса. Так что не следует думать, что театр Сатиры взялся не за свое дело и отбивает хлеб у иных драматических театров. Случилось другое: драматург в рамках жизнерадостной, легкой комедии создал образ захватывающий, покоряющий сложностью, глубиной и красотой своего человеческого содержания, а актриса вдохнула в этот образ душу живу с той мерой самоотдачи и разносторонней, бурной щедрости, что всегда присуща истинному таланту, большому реалистическому искусству.

И уже не имеют значения ни приблизительная условность некоторых возникающих перед тобой на сцене ситуаций, ни эскизность и поверхностность большинства окружающих главную героиню персонажей. Ничего этого на спектакле не замечаешь — видишь только ее, напряженно, отзывчиво следишь за ней, за ее прихотливо меняющейся, многозначной сценической жизнью. И благодарно замечаешь, как поднимается и растет в тебе навстречу ей теплая волна радостного удивления и сочувствия. Так бывает в жизни при каждой новой встрече — сколько бы их ни было! — с отличным человеком, с судьбой нелегкой, но примерной и значительной.

А судьба у Прасковьи Дмитриевны Потаповой, скажу я вам, действительно нелегкая и благородная. Послушайте, что говорит ее племянница Симочка, вначале обидевшая тетку, а потом осознавшая всю свою неправоту и несправедливость:

«Я перед ней виновата больше, чем перед мамой. Больше, чем перед всеми людьми. Она меня воспитала. Она в общем-то воспитала всех нас. И Виталика, и маму, и Зайку вот теперь воспитывает. Ради нас она не стала ни учительницей, ни врачом, ни ученой. Ради нас она провела жизнь на кухне, в очередях. И сама не спала и недоедала... Наверно, в каждом доме есть своя Прасковья. А если нет — этот дом несчастный. А наш дом счастливый...»

Да, Прасковья Дмитриевна, как говорит она сама, «на такой работе, где никогда нет отпуска». Но это говорится без тени недовольства, уныния. Прасковья Дмитриевна не хнычет, не жалуется на судьбу. Все, что она делала и делает для других, — все это по велению большого, мудрого сердца, все это с охотой, умом, радостью.

Дорогой ценой досталось дому Потаповых такое счастье. 9 мая 1965 года вспоминает Прасковья, как двадцать лет назад утешала она невестку:

«Ты не плачь, Елена, не плачь... Не вернулся наш Юрка, муж твой, брат мой!.. Нет его, и нет, и никогда уже больше не будет... Зато дочка от него есть, Симочка, она ведь есть!.. Ты за нее не волнуйся, я тебе ее сберегу... Не вернулся наш Юрка!.. А все же мы празднуем... да, празднуем сегодня... Это для чего же? Наверное, чтоб других не убивали!.. А ведь я тоже вдовица. Я дважды вдовица: и братишки моего нет, и любимого моего тоже нет...»

Это лишь часть большого монолога, в котором Пельтцер живет печально и светло и который звучит в ее устах с силой поистине пронзительной. Монолог-воспоминание, наплыв, он оттеняет многомерную объемность образа Прасковьи, его очень важную ретроспекцию.

В сегодняшнем же своем измерении это характер, лучащийся жизнерадостностью, добротой, юмором и остроумием. И он совершенно правомерно оказывается в центре комедии, где, как и положено, много забавных, смешных положений, разрешающихся счастливым концом. И, конечно же, Пельтцер, как всегда, восхищает и веселит нас своим неповторимым комедийным даром, столь же неистощимым в эксцентричности, сколь и в лиризме. Чего стоит, например, блистательный каскад чудачеств и шуток ее героини в сцене после бала в честь Праздника Победы, куда неожиданно попадает Прасковья! Словом, на этом спектакле хоть и взгрустнется порой, но и насмеешься вдоволь.

И тут не обойдешь молчанием партнера Т. Пельтцер в «Старой деве» Б. Новикова, играющего роль пенсионера Пимена Федоровича Чурина, соседа Прасковьи по дому. Непременный и активнейший участник всех происходящих у Потаповых событий, верный и благородный рыцарь Прасковьи, Чурин—Новиков одновременно и уморительно смешон, и трогателен. Мы смеемся над какими-то его старческими причудами и несуразностями, над всем его внешним обликом, манерой разговаривать, двигаться. Но он и трогает нас своей чуткостью, добротой, своей привязанностью к дорогим его сердцу старого москвича арбатским переулкам и коммунальной квартире.

Чурин и Потаповы — новоселы. Они живут в новом районе столицы, в новом прекрасном доме, в благоустроенных отдельных квартирах. И это обстоятельство, и весь внутренний настрой пьесы И. Штока позволили постановщику А. Шатрину с помощью художника М. Курилко создать в спектакле светлую, жизнеутверждающую атмосферу, характерную для нашего времени, для нашей жизни.

Мне мила вся тональность этого спектакля, органично сотканная из лирики, юмора, человечности. И уверен, что, посмотрев его, вы, так же как и я, захотите поклониться — уважительно и признательно — прекрасной русской советской женщине Прасковье Дмитриевне Потаповой, с которой вас познакомит Татьяна Ивановна Пельтцер.

Н. ЛЕЙКИН

На снимках: **Т. ПЕЛЬТЦЕР** — Потапова и **Б. НОВИКОВ** — Чурин.

Фото **А. ГЛАДШТЕЙНА**